

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Том 27, № 1

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук, академик АН Азербайджана (Азербайджан, Баку),

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

С. Д. Атаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

М. Гантуяа, Ph.D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония, Токио)

И. В. Саблин, доктор исторических наук (Германия, Гейдельберг)

Е. Смолари, PhD (Германия, Бон)

Х. Омархали, доктор философских наук (Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук (Россия, Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдилов, доктор исторических наук (Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, д.и.н. (Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадалов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук (Кемерово, Россия)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук (Россия, Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Россия, Челябинск).

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук (Россия, Новосибирск)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66,

Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Vol. 27, №1

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2022

The journal was founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences, academician of the Academy of Sciences of Azerbaijan,
(Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

S. D. Atdaev, candidate of historical sciences (Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bulgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

M. Gantuya, Ph.D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, doctor of humanities (Tokyo, Japan)

I. V. Sablin, doctor of historical sciences (Germany, Heidelberg)

E. Smolarts, PhD (Germany, Bon)

Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany, Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabyako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences (Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences (Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences (Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences (Russia, Chelyabinsk).

A. V. Baulo, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

*Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved.
No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher.*

Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77-78911.

Registration date 07.08.2020 г.

Editorial office address: 656049, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, Altai State University, Department
of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

© Altai State University Publisher, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2022 Том 27, № 1

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Байпаков К. М.</i> , <i>Терновая Г. А.</i> , <i>Акылбек С. Ш.</i> К вопросу о смысловом значении графических изображений на стенах тронного зала в дворцовом комплексе города Кулан (VIII–IX вв.)	7
<i>Сулейменов М. Г.</i> , <i>Илюшин А. М.</i> Колчаны у средневекового населения Кузнецкой котловины	32
<i>Серегин Н. Н.</i> , <i>Демин М. А.</i> , <i>Матренин С. С.</i> Комплекс украшений кочевников Северного Алтая эпохи Великого переселения народов (по материалам памятника Карбан-1)	42
<i>Шульга Д. П.</i> , <i>Шульга П. И.</i> «Брактеаты» и «индикации» в контексте монетной традиции Великого Шелкового пути (на примере находки 1989 г. в Сиане)	60

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Дашковский П. К.</i> , <i>Гантуяа М.</i> , <i>Шершнева Е. А.</i> , <i>Бүрэнэлзий И.</i> Религиозные процессы на территории Монголии (по результатам социологического исследования)	72
<i>Еремин А. А.</i> Обзоры областей центральноазиатских окраин Российской империи как источник информации о населении конца XIX — начала XX в. (на примере Акмолинской области)	90
<i>Сухова М. В.</i> Женские образы нижнего мира в традиционных мифологических представлениях удмуртов	104
<i>Лю Л.</i> Социально-экономическая жизнь русской эмиграции в Синьцзяне до 1930-х г.	119

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Молотова Г. М.</i> Образ представителя раннего аскетизма в «Кисса-и Ибрахим ибн Адхам»	131
<i>Куприянова И. В.</i> Древлеправославие в имперском дискурсе российской государственности	141
<i>Дударенок С. М.</i> Православная пресса на Дальнем Востоке России на рубеже 1990–2000-х гг.	153
<i>Халидова О. Б.</i> , <i>Абдуллаева М. И.</i> Мусульманские подданные в имперской практике по аккультурации кавказских инородцев: исторический опыт Дагестана конца XIX — начала XX в. (на примере системы образования)	173

ДЛЯ АВТОРОВ	189
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

2022 Vol. 27, № 1

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

- Baipakov K. M., Ternovaya G. A., Akylbek S. S.* On the question of the semantic value of graphic images on the walls of the throne room of the palace complex of the city of Kulan (VIII–IX centuries)7
- Suleymenov M. G., Ilyushin A. M.* Quivers from the medieval population of the Kuznetsk basin.....32
- Seregin N. N., Demin M. A., Matrenin S. S.* Decoration complex of North Altai nomads in the Great migration period (on the materials of Karban-I site)42
- Shulga D. P., Shulga P. I.* “Bracteates” and “indications” in the context of the monetary tradition of the great silk road (on the example of the 1989 year Xi’an find).....60

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

- Dashkovsky P. K., Gantuya M., Shershneva E. A., Burenolziy I.* Religious processes on the territory of Mongolia (based on the results of a sociological study)72
- Eremín A. A.* Regions reviews of the Central Asian periphery of the Russian empire as a source of information about the population of the late XIX — beginning of XX centuries (the Akmola region case study)90
- Sukhova M. V.* Female images of the underworld in the udmurt traditional mythological representations.....104
- Liu L.* Russian emigration’s social and economic life in Xinjiang until the 1930s119

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- Molotova G. M.* The image of the representative of early asceticism on «Qissa-i ibrahim ibn Adham» 131
- Kuprianova I. V.* Ancient orthodoxy in the imperial discourse of the russian statehood 141
- Dudarenok S. M.* Orthodox press in the russian far east at the turn of the 1990–2000s.....153
- Khalidova O. B., Abdulaeva M. I.* Muslims in the imperial practice of acculturation of the caucasian foreigners: the historical experience of Dagestan at the end of XIX — beginning. XX century (on the example of the education system)173

FOR AUTHORS.....189

УДК 93/94 (100) «05/28+323.1»

DOI: 10.14258/nreur(2022)1–12

О. Б. Халидова

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала (Россия)

М. И. Абдулаева

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала (Россия)

МУСУЛЬМАНСКИЕ ПОДДАННЫЕ В ИМПЕРСКОЙ ПРАКТИКЕ ПО АККУЛЬТУРАЦИИ КАВКАЗСКИХ ИНОРОДЦЕВ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ДАГЕСТАНА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В. (НА ПРИМЕРЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ)

Аннотация. Современные реалии относительно образовательной политики в регионах диктуют необходимость руководствоваться многими нюансами в России. Важность образования для инородцев воспринималась и как одна из важнейших частей политики Российской империи на периферии, главной функцией которой являлось огосударствление народов окраин. Учитывая тот факт, что в дореволюционной России «национальная школа» рассматривалась как русская национальная школа, очевидно, что наличие школ других народов, у которых русский язык не являлся материнским, не могло иметь места. Исходя из этого целью данной статьи является рассмотрение вопросов, связанных с политикой аккультурации на национальной периферии путем введения государственного языка — русского во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в области образования.

Географическим ареалом для исследования был выбран Дагестан как инокультурный регион, в котором подавляющее население исповедовало ислам, а система образования испокон веков представляла собой обширную сеть мусульманских религиозных школ. В изучаемое нами время последние стали частью «мусульманского вопроса» в контексте общего развития Кавказского региона. Предпринятые попытки претворения политики тандема «школа — религия», суть которой было устремить иноверцев к христианско-русскому будущему путем учреждения инородческих школ и церковно-приходского образования не привели к положительным результатам.

Хронологические рамки работы охватывают конец XIX — начало XX в. Выбор таких временных границ вызван особенностями в политическом развитии России в условиях пореформенной имперски-либеральной модели и выстраиванием новых взаимоотношений с мусульманской частью населения окраины. Как результат было выработано направление, сочетающее лояльно-деликатное отношение властей, с одной стороны,

и проявление осторожности в отношении исламской жизни в крае — с другой, имевшее место на протяжении всего изучаемого авторами периода вплоть до революции 1917 г.

Ключевые слова: Россия, Кавказ, Дагестанская область, просвещение, нация, язык, религия, аккультурация.

Цитирование статьи:

Халидова О. Б., Абдуллаева М. И. Мусульманские подданные в имперской практике по аккультурации кавказских инородцев: исторический опыт Дагестана конца XIX — начала XX в. (на примере системы образования) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 173–188. DOI: 10.14258/nreur(2022)1–12.

O. B. Khalidova

Institute of History, Archaeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala (Russia)

M. I. Abdulaeva

Institute of History, Archaeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala (Russia)

MUSLIMS IN THE IMPERIAL PRACTICE OF ACCULTURATION OF THE CAUCASIAN FOREIGNERS: THE HISTORICAL EXPERIENCE OF DAGESTAN AT THE END OF XIX-BEGINNING. XX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE EDUCATION SYSTEM)

Abstract: Modern realities regarding educational policy in the regions dictate the need to be guided by many nuances in Russia. The importance of education for non-Russians was also perceived as one of the most important components of the policy of the Russian Empire in the periphery, the main function of which was the nationalization of the peoples of the outskirts. Taking into account the fact that in pre-revolutionary Russia the “national school” was considered as a Russian national school, it is obvious that the presence of schools of other nations, for which Russian was not the mother language, could not take place. Based on this, the purpose of this article is to consider issues related to the policy of acculturation in the national periphery by introducing the state language — Russian in all spheres of life, including in the field of education. Dagestan was specifically chosen as a geographic area for the study, as a region of other cultures, where the vast majority of the population professed Islam, and the education system from time immemorial was an extensive network of Muslim religious schools. In the time we are studying, the latter became part of the so-called. “Muslim

question” in the context of the general development of the Caucasus region. The attempts made to implement the policy of the “school-religion” tandem, the essence of which was to direct the Gentiles to the Christian-Russian future by establishing foreign schools and parochial education, did not lead to positive results. The chronological framework of the work covers the end of the 19th — beginning of the 20th centuries. The choice of such temporary boundaries was caused by the peculiarities in the political development of Russia under the conditions of the post-reform imperial-liberal model and the building of new relationships with the Muslim part of the population of the outskirts. As a result, a direction was developed that combined the loyal and delicate attitude of the authorities, on the one hand, and the manifestation of caution regarding Islamic life in the region, on the other, which took place throughout the entire period studied by the authors of the article up to the revolution of 1917.

Keywords: Russia, Caucasus, Dagestan region, education, nation, religion, acculturation

For citation:

Khalidova O. B., Abdulaeva M. I. Muslims in the imperial practice of acculturation of the caucasian foreigners: the historical experience of Dagestan at the end of XIX — beginning. XX century (on the example of the education system). Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 1. P. 173–188. DOI: 10.14258/nreur(2022)1–12.

Халидова Ольга Борисовна, кандидат исторических наук, сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала (Россия).

Адрес для контактов: o.khalidova2011@mail.ru.

Абдулаева Мадина Изамутдиновна, кандидат исторических наук, сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала (Россия).

Адрес для контактов: mady.62@mail.ru

Khalidova Olga Borisovna, Candidate of Historical Sciences. PhD, Institute of History, Archaeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala (Russia). **Contact address:** o.khalidova2011@mail.ru
ORCID: 0000–0002–3454–9427.

Abdulaeva Madina Izamutdinovna, Candidate of Historical Sciences, PhD, Institute of History, Archaeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala (Russia). **Contact address:** mady.62@mail.ru
ORCID: 0000–0003–0169–3848

Введение

Система взглядов и основных постулатов, объединивших исследователей как мирового, так и отечественного научного сообщества, занимающихся исследованиями имперского периода российской истории, позволила выработать концепцию «новой истории империи». Основу данного направления составляют исследования, целью которых является изучение путей взаимодействия имперской власти с регионами.

Важным шагом на сегодняшний день явилась потребность в переоценке и переосмыслении эпохи Российской империи второй половины XIX — начала XX в., когда проходило включение национальной инокультурной периферии в состав России [Миллер, 2010; Новая имперская история..., 2004], в том числе и мусульманского населения [Мусульмане в новой имперской истории, 2017].

Одним из стратегических вариантов, который использовался для реконструкции политики имперского центра в контроле за окраинными территориями, стал механизм аккультурации. Являясь не только определяющим вектором формирования и развития единого общероссийского культурного пространства, применяемый метод позволяет проследить процесс и результат взаимовлияния различных культур в связи с присоединением к России новых территорий, а также служит определителем степени влияния регионов на центр [Леденёва, 2011: 144].

Исходя из вышесказанного, актуальным в представленной статье нам видится решение проблемы в определении содержания и развития имперской политики в отношении инородцев Кавказа путем одного из ее механизмов — системы образования. В качестве объекта процесса аккультурации авторы рассматривают мусульманское население Дагестана как пример инокультурной социальной общности.

Методологической основой исследования является концепция аккультурации. При исследовании авторами использовался симбиоз методов исторического исследования: диахронно-сравнительного на микро- и макроуровнях, историко-генетического, нарративного.

Хронологические рамки исследования концентрируются на периоде рубежа XIX — начала XX в., что объясняется попытками монополизации русской образовательной системы и введением ограничительных мер в отношении этноконфессиональной школы, что, в свою очередь, вызывало недовольство национальных общностей. Указанные процессы усугубляли и без того растущую социальную напряженность в стране накануне революции 1905–1907 гг.

Теоретическую базу работы составили научные исследования по изучению специфики и механизмов аккультурации. В современном российском сообществе число ученых, рассматривающих имперские практики с позиций аккультурации в регионах, успешно растет [Любичанковский, 2018; Брежнева, 2018; Котов, 2019; Дашковский, Шершнева, 2022].

Несмотря на то, что освещением проблем системы дореволюционного образования мусульман Северного Кавказа, в том числе и Дагестана, занимались советские и занимаются российские ученые [Каймаразов, 2001; Блейх, 2017], попытки интерпретировать имперскую историю с применением методологии, в основе которой лежит принцип аккультурации, не имеет довольно широкого распространения, разве что в трудах молодых северокавказских ученых [Хачидогов, 2017].

Основными источниками для написания работы являются официальные документальные материалы, хранящиеся в фондах центральных и местных архивов Российской Федерации, мемуары, материалы периодической печати.

Идеи по аккультурации Кавказской окраины империи

Фактор «огромности», игравший ключевую роль в историческом развитии России [Демешек, 2018], превратил ее не только в многонациональный, но и поликонфессиональный конгломерат, своеобразие которого не всегда воспринималось адекватно в политическом отношении. Объединение под общим началом множества народов и включение территории их проживания в состав России привели к вопросам о путях существования окраин в составе империи, в том числе и народов Кавказа. Принципы решения «окраинного» вопроса нашли отражение в работах общественных деятелей, интеллигенции российского общества того времени [Алекторов, 1906; Кавелин, 1907; Штенберг, 1910; Сидоров, 1912]. Многие из них базировались на русской концепции, т. е. интеграции всех этносов, конфессий и сословных групп России в единую российскую (общерусскую) нацию. Уже ко второй половине XIX в. в Российской империи, по мнению М. Н. Каткова, должно было иметь место преобладание титульной национальности. Единными должны были стать законодательство, система управления и государственный язык. Сохранение языка, религии и культурной специфики иных «племен» было возможным, если это не угрожало целостности государства. Стремление к самостоятельности отдельных народов было первостепенной опасностью для России [Катков, 2009: 168].

Однако мнения по успешному осуществлению задуманного были биполярными. Одни полагали, что «русским человеком можно стать, если этого захотеть, приняв русское самосознание и культуру». Другие вкладывали в этот процесс генетический кровный принцип, полагая, что «русским человеком можно только родиться» [Толстенко, 2012: 131].

С другой стороны, приоритетным оставался и посыл о необходимости создать общую и целостную нацию путем единства веры и языка как духовной основы унитарной национальности [Рейснер, 1900: 14]. Это означало, что другим мерилom, особенно в первоначальный период и, пожалуй, самым главным в сближении окраин с русским народом являлся и религиозный компонент. Причем религиозная принадлежность служила не просто средством идентификации подданных, но и маркером политической лояльности. В случае империи залогом максимальной благонадежности являлась принадлежность к православной вере [Будилович, 1907: 31]. Однако о высокой степени христианской миссии в изучаемом нами регионе говорить не приходится. Это и отмечали в российском обществе того времени. Так, один из популяризаторов славянофильских идей А. С. Будилович отмечал, что в сближении окраин с русским народом большую роль играет фактор духовной близости. Например, на Кавказе благоприятным в этом отношении отличались православные осетины, армяне, грузины. Гораздо большие затруднения встречались в этом отношении между лезгинами и другими горцами Дагестана, а равно между чеченцами, кабардинцами, черкесами на западе горного Предкавказья [Будилович, 1907: 31]. Конечно, в российской православной практике не последнюю роль играла и христианизация горского инородческого населения, что не только приветствовалось российской администрацией в крае, но и было продиктовано бытовыми установками в политике России на Кавказе. Однако изучение доступных для нас архивных источников, с помощью которых были выявлены единичные случаи обращения в христианскую веру, дает нам основание полагать, что про-

зелитизм в крае, в частности, в Дагестане в широком смысле, отсутствовал [Халидова, 2015: 85–86]. Имевшая место в крае организация церковно-приходского обучения характеризовалась епархиальными властями как очень успешное явление, в том числе в Петровской и Дербентской школах [Отчет..., 1896: 26]. Однако следует заметить, что в подобных школах представители мусульманского вероисповедания не обучались.

Гораздо позже правительство признало, что миссионерская христианская практика не способствует сближению инородцев с русской средой, а только усугубляет ситуацию в губерниях с преобладающим мусульманским населением [РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 576. Л. 334об.]. В этой связи все более актуальным в имперских практиках по аккумуляции «инородческого» населения становилось распространение русской культуры через просвещение. Первыми проводниками русской культуры были горские школы, организация и широкое распространение которых имели место после окончания Кавказской войны во время деятельности наместника А. И. Барятинского. Учитывая повышенную религиозность населения края, школы сочетали преподавание православного и магометанского вероучений. Преподаванию ислама уделялось особое внимание со стороны администрации края и инспекции, которые опасались того, что обратный процесс оттолкнет от школы учеников [Очерки истории..., 1976: 502].

Учебными планами горских школ предусматривалось изучение русского языка, всеобщей и русской географии. Учащиеся знакомились с административным уставом Российской империи [Хагаев, Кокаева, 2000: 42]. В программу горских школ с 1879 г. было введено преподавание арабского и французского языков. В Дагестанской области подобная горская школа была создана в Дербенте, затем переведена в Темир-Хан-Шуру в 1855 г. Обучавшиеся здесь представители коренных народностей Дагестана имели возможность, помимо арабского, изучать и русский язык. В среднем ежегодно здесь получали образование следующие ученики: православные — 113 человек (58%), мусульмане — 46 (24%), исповедующие армяно-григорианскую веру — 25 (13%), лютеране — четыре человека (2%), католики — два человека (1%), иудеи — 4 человека (2%) [Данилюк, Зуева, 2008: 23].

Подобные практики имели место и в соседних регионах. Так, начальник Терской области писал о «сильном стремлении к образованию... в туземцах» [ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1 Д. 158. Л. 58].

Однако не все горцы принимали полезность российского образования. И заслуга в подобном неприятии лежала зачастую на магометанском духовенстве. Попытки организовать аульные школы с русскими классами тех районах, где была распространена мусульманская вера и большая часть детей обучалась в конфессиональных школах — мектебах и медресе, не увенчались успехом [Очерки истории..., 1976: 503]. Причиной тому было засилье «власти шейхов и мулл» в обществе, сильно препятствовавшее процессу «приобщения народа к общему порядку государственной жизни, его просвещению и сближению с русскими интересами» [ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 70. Л. 2].

Таким образом, построение курса путем симбиоза двух составляющих — «язык и вера» был репрезентативным для политики империи на ее периферии. При отсутствии языка и веры, в данном случае русского языка как официального языка центральной власти, и православия, не могло быть и речи в сближении инородцев с дер-

жавным народом, а тем более включение представителей национальных окраин в модернизационный процесс, набравший обороты ускоренными темпами. Поэтому в рассматриваемый период процесс генерализации языка и веры необходимо расценивать не как процесс ассимиляции и русификации, а как «огосударствление недержавных народов» [Кобахидзе, 2016: 179].

«Школа — религия» на периферии в контексте общественно-политических преобразований в Российской империи

Уже к началу 80-х гг. XIX в. бурное развитие капиталистических отношений, а также широко растущее общественно-политическое движение вынуждало самодержавие предпринимать меры по постепенной консервации в развитии образования нерусских народов, в том числе и препятствуя обучению на родных языках.

В российском обществе начала XX в. все чаще высказывались мысли и о ряде ошибок в управленческой деятельности в крае. Так, протекционистская политика российской администрации по отношению к туземному населению, выражавшаяся в привлечении последних на государственную службу, создание местного дворянства, тем самым оказывая им предпочтение перед русскими, а также предоставлении им существенных налоговых льгот по сравнению с населением «внутренних» губерний империи являлись результатом, корень которых таился в слабости «национального духа» [Катков, 1865: 5]. Многие подчиненные и начальники округов занимали позицию о ненужности горцу какого-либо образования, отсутствие которого предоставит возможность «легче справиться с ними, чем вооружив их знаниями» [Катков, 1865: 5]. За неуклонное проведение политики колонизации и обрусения в присоединенных мусульманских областях Кавказа, в том числе и Дагестана, ратовали многие публицисты того времени [Кузнецов, 2006: 178].

Среди причин назывался и личностный фактор, в частности, либерализм некоторых русских административных чиновников. Например, деятельность князя Воронцова на Кавказе. Более того, как замечает святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ Кавказский и Черноморский: «Здесь всем известно религиозное направление князя Воронцова: он не останавливался публично оказывать особенное внимание и расположение к магометанскому духовенству, давая ему во многих случаях предпочтение пред духовенством православным» [Полное жизнеописание..., 2002: 270]. Либеральностью отличалась и деятельность последнего российского наместника И. И. Воронцова-Дашкова. С учетом времени, позиция последнего выражалась в недопущении управления Кавказом из центра, на основании общих формул, при этом игнорируя местные обычаи, насильно подгоняя их под общеимперские рамки [Кавказ и Российская империя..., 2005: 548–549, 583]. По мнению наместника, это могло бы спровоцировать революционный взрыв.

В итоге, доступность в получении образования в общеобразовательных «русских» учебных заведениях для кавказских народов сопровождалась окончательным подчинением национальных школ Министерству народного просвещения. Особые опасения вызывали мусульманские школы, которые в одном из своих отчетов генерал-губернатор Дагестанской области называл «самым сильным оружием», с помощью которого «му-

сульманское духовенство поддерживает и распространяет свое влияние на народ...», где закладываются «... семена религиозной нетерпимости, фанатизма, непримиримой вражды и ненависти к неверным...» [Отчет..., 1869: 71].

Отметим, что на Кавказе насчитывалось значительное количество мусульманских школ, большая часть которых приходилась на Дагестан. Дореволюционная статистика на начало XX в. показывает вариативность численности подобных школ, поэтому точное их количество выяснить очень сложно. Например, к 1892 г. в Дагестане количество мусульманских примечетских школ составляло 646, общее количество учащихся в них — 4306 человек [Обзор Дагестанской области, 1893: 62]. В соотношении с другими религиозными школами, представленными здесь, это было намного больше, например, в сравнении с церковно-приходскими. Известно две школы с 169 обучающимися [Обзор Дагестанской области, 1893: 62]. В 1899 г. количество мусульманских школ — 588 [Обзор Дагестанской области, 1900: 22]. В начале XX в. численность их возросла от 747 в 1907 г. до 860 в 1914 г. [Дагестан к 15-й годовщине Октября, 1932: 59]. Однако исследователи полагают, что местные власти были неспособны контролировать численность открываемых и закрываемых религиозных школ, так как школы при мечети (мадраса) могли открываться там, где появлялся тот или иной муалим (учитель). Также неожиданно они и закрывались связи с уходом учителя [Маламагомедов, 2018: 149].

Большие цифры при подсчете примечетских школ говорят о том, что здесь, в Дагестане, религиозное образование было превыше всего. Приоритетным считалось обучение арабскому языку и догматам ислама. Главная задача — это обучить чтению священной книги мусульман — Корану. Родной язык в подобных заведениях не был предусмотрен.

Содержание традиционных школ осуществлялось за счет общины и филантропов. Государство не принимало участия в их финансировании. Например, на Кавказе весьма оригинальной была аргументация против расхода бюджетных средств на мусульманское образование. Из-за отсутствия питейных сборов со стороны мусульман по причине неупотребления алкоголя, правительство полагало нецелесообразным расходовать средства, полученные с христиан, на приверженцев ислама [Дякин, 1998: 126]. Поэтому имели место попытки подвергнуть контролю деятельность мусульманских школ, подчинив их Кавказскому учебному округу с 1897 г.

На рубеже XIX — начала XX в. начинают предприниматься попытки модернизировать российское общество. Однако продолжал существовать комплекс проблем, среди которых были вопросы, связанные с национально-религиозным компонентом, в том числе и в образовательной практике.

Предложенный в условиях революционной обстановки законопроект министра народного просвещения П. фон Кауфмана «О введении всеобщего начального обучения», в котором подчеркивались усилия в развитии школы в Центральной России с целью «постепенно двигаться от центра к окраинам», распространялся на всю территорию страны, в том числе на Среднюю Азию и Северный Кавказ. Основным языком обучения становился русский язык. Закон также допускал открытие классов с изучением русского языка в конфессиональных школах, в том числе, медресе и мектебах [Правила

о начальных училищах..., 1906: 5]. Что касается Дагестана, то здесь еще в конце XIX в. в одном из номеров газеты «Кавказ» было свидетельство о полном отсутствии преподавания русского языка в мектебах и медресе, введение которого в некоторых местах было не просто трудным, но и невозможным [Кавказ, 1893: 1]. В русле симбиоза борьбы за прогресс и просвещение со стремлением оставаться со сложившимися веками религиозными традициями, в духовной жизни мусульман Дагестанской области получают развитие идеи модернизма — джадидизма [Шихалиев, 2017]. Наиболее прогрессивные люди того времени выступали с предложением реформирования примечетской школы. Один из ее сторонников — педагог А. О. Черняевский — полагал, что в основе модернизации мектебов должно стать применение не только новейших приемов преподавания и организация правильного курса обучения, а также улучшение гигиенических условий содержания в них. Он также предлагал ввести преподавание русского языка и арифметики [Каймаразов, 1989: 21].

Законопроект подвергся резкой критике, развернувшейся на заседаниях Государственной Думы со стороны представителей Кавказа, входивших в мусульманские фракции. По их мнению, именно состояние образования оставалось одной из острых проблем в регионе, непосредственно затрагивавших интересы и права национальностей. В частности, по мнению депутатов, в мусульманских учебных заведениях полностью игнорировалось обучение на родном языке и высказывались мысли о необходимости открытия для национальных групп отдельных школ с изучением родного языка [Кавказские депутаты..., 1912: 70–78]. Альтернативное предложение касательно проекта национального образования, выдвинутого лидерами мусульманской общности, главной целью которого было сохранение старой системы конфессиональных школ [РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3550: 68], вызвало опасения у правительства, которым было организовано новое совещание по вопросам образования инородцев — мусульман [РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3550: 80]. Итогом стало принятие новых «Правил о начальных училищах для инородцев», допускавших использование как русской, так и арабской транскрипции языков, а также родного языка в первые два года обучения. Устанавливалась обязательная принадлежность учителя к тому же народу, что и его ученики, либо к русской национальности. Одновременно вводилось положение о контроле конфессиональных школ со стороны МНП, запрет на преподавание в них учителей-иностранцев, недопущение неподцензурной учебной литературы были сохранены [Фальборк, Чарнолуцкий, 1911: 80].

В Дагестане особому вниманию подвергалась деятельность мусульманского духовенства и педагогического персонала в школах мусульман на фоне распространяющегося панисламистского движения, что вынуждало российскую администрацию постоянно осуществлять контроль за настроением населения. В одном из предписаний начальника Бакинского губернского жандармского управления по розыску полковника С. Ф. Северитовского помощнику в Дагестанской области указывалось «напрячь все усилия к самому детальному освещению настроения населения вверенного Вам района во всех сферах общественной жизни...» [ЦГА РД. Ф. 66. Оп. 2. Д. 26: 1].

Продолжал иметь место и вопрос о распространении в среде мусульман пропагандистских идей турецкой агентуры на Кавказе. Призывы к населению не повиноваться

русским властям сочетали в себе и предоставление бесплатного образования «в высших мусульманских миссионерских школах Мекки и Медины» со стороны «единоверной Турции» [Котюкова, 2006: 205]. В результате на учебу в университет и педагогический институт Стамбула с целью подготовки учителей для школ в своих регионах ежегодно принималось на учебу по восемь студентов из Крыма, Дагестана, Казани и Кавказа [Абдулаева, 2018: 179].

Поначалу особо не препятствуя процессу обучения мусульман Дагестана за границей, русские власти со временем осознали всю пагубность подобного положения. Причиной подобного стремления считалось неудовлетворительное состояние специальных мусульманских школ в России и недостатки учебного дела в них [Кавказ и Российская империя..., 2005: 549].

Вообще, необходимо отметить, что процесс по аккультуративным имперским практикам на окраинах имел разнолокальную степень успешности. На Кавказе, в частности в Дагестане, эти процессы протекали сложнее и были сопряжены с высокой религиозностью населения и широким влиянием мусульманского духовенства на умы людей. Введение русского языка не только в образовательной, но и в другие сферы жизнедеятельности осуществлялось с осторожностью, так как опасались активных выступлений населения. Примером может служить принудительное введение русского языка в делопроизводство народов Дагестана, которое традиционно велось на арабском языке. Необходимость изменения подобной практики была продиктована незнанием российских чиновников арабской письменности, что мешало им контролировать деятельность сельских должностных лиц и мусульманского духовенства [ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 216: 5]. Ответной реакцией стали активные выступления со стороны горцев, озлобленность которых также вызвало содержание русских писарей, которое полностью ложилось на плечи сельского, и без того полуголодного, населения [Далгат, 2017: 62]. Несмотря на то, что восстание было подавлено, позже при военном губернаторе Георгии Дадешкелиани (1914–1916 гг.) только в 77 из 168 сельских обществ Дагестана существовало русское делопроизводство [Лобанов, 2017: 74–75].

Заключение

Таким образом, огромный спектр проблем был сосредоточен на периферии Российской империи. Одной из них было повышение общей грамотности населения империи путем распространения светского образования среди инородцев. Признание в качестве обязательного языка в образовательном процессе русского должно было послужить объединяющим фактором для народов различных верований и культур. Исследование показывает, что государственная образовательная политика в русле аккультуративных практик в отношении инородцев имела не просто противоречивые, а зачастую двусторонние тенденции. Имперское правительство ставило цели по внедрению той или иной задачи, при которых субъект этой политики, в данном случае мусульманское население, в своем стремлении сохранить свой собственный образовательный потенциал вырабатывало способы адаптации к тем реформам и переменам, которые активно внедрялись имперской властью.

В Дагестане, где влияние мусульманского духовенства на население было значительным, администрация края изыскивала свои меры для уменьшения этого влияния. Попытки создания русских школ с преподаванием светских дисциплин и школ с ведением билингвального обучения в мусульманских школах, организация русских классов и арабского языка как альтернатива мусульманским, показала неспособность составить конкуренцию последним вплоть до 1920-х гг. Опасения вызывали и предположения о насильственной христианизации, подогреваемые представителями исламского мира и пантюркизма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулаева М. И. Северный Кавказ в политике Турции в начале XX века // АСТА HISTORICA: труды по истории, археологии, этнографии и обществознанию. 2018. № 2. С. 175–180.

Алекторов А. Е. Иногородцы в России. Современные вопросы. СПб. : Тип. И. Леонтьева, 1906. 134 с.

Блейх Н. О. Исторические вехи становления и развития просветительства на Северном Кавказе в русле российской цивилизационной политики. Т. 2. М. : РУСАЙНС, 2017. 288 с.

Брежнева С. Н. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Т. 17, № 3. С. 608–638.

Будилович А. С. Может ли Россия отдать иногородцам свои окраины? СПб. : Типография А. С. Суворина, 1907. 75 с.

Дагестан к 15-й годовщине Октября. Махачкала, 1932.

Далгат Э. М. Дагестан накануне 1917 г. // Вестник Калмыцкого научного центра РАН. 2017. Т. 33. Вып. 5. С. 59–64.

Дамешек Л. М. Сибирские «иногородцы» в имперской стратегии власти (XVIII — начало XX в.). Иркутск : Оттиск, 2018. 456 с.

Данилюк М. Ю., Зуева О. Б. Православная система образования как фактор приобщения народов Дагестана к христианской культуре (вторая половина XIX — начало XX века) // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 2 (31). С. 21–26.

Дашковский П. К., Шершнева Е. А. Политика аккультурации в отношении мусульманских общин Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 1. С. 42–52.

Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — нач. XX в.). СПб., 1998. 1000 с.

Кавелин К. Д. Наши иногородцы и иноверцы. М. : Правда, 1907. 14 с.

Катков М. Н. Идеология охранительства / сост., предисловие и комментарии Ю. В. Климаков; отв. ред. О. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2009. 800 с.

Каймаразов Г. Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала : Дагучпедгиз, 1989. 157 с.

Кобахидзе Е. И. Центральный Кавказ в объединительной политике Российской империи второй половины XIX — начала XX в. Владикавказ : СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2016. 258 с.

Котов А. В. Политика имперской аккультурации населения северных казахских степей (середина XVIII–XIX вв.): феномен Оренбургской киргизской школы // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 3 (28). С. 188–194.

Котюкова Т. В. Турецкая агентура в России накануне Первой мировой войны // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов : материалы Международной науч. конференции. 7–8 сентября 2004 г. М. : Наука, 2006. 388 с.

Леденёва Н. В. Аккультурация как процесс межкультурного взаимодействия // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2011. № 1 (3). С. 144–151.

Любичанковский С. В. Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX — начало XX вв.). Оренбург : Изд. Центр ОГАУ, 2018. 264 с.

Лобанов В. Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны: религиозное, военно-политическое и идеологическое противостояние в 1917–1920-х годах. СПб. : Владимир Даль, 2017. 483 с.

Маламагомедов Д. М. Конфессиональные школы конца XIX — начала XX в. в городах Дагестанской области // Вопросы истории. 2018. № 7. С. 148–158.

Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. 2-е изд., испр. и доп. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 316 с.

Мусульмане в новой имперской истории: сб. ст. / отв. ред. и сост. В. О. Бобровников, И. В. Герасимов, С. В. Глебов, А. П. Каплуновский, М. Б. Могильнер, А. М. Семёнов; Институт востоковедения РАН, Фонд исследований исламской культуры. М. : Садра, 2017. 424 с.

Новая имперская история постсоветского пространства : сб. статей / под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова, А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, А. М. Семенова. Казань : Центр исследований национализма и империи, 2004. 656 с. (Б-ка журнала «Ab Imperio»).

Обзор Дагестанской области за 1892 г. Темир-Хан-Шура, 1893. 55 с.

Отчет Владикавказского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты во Владикавказской епархии за 1894–1895-й учебный год // Владикавказские епархиальные ведомости. 1896. № 2. С. 25–34.

Российский Государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3550.

Российский Государственный исторический архив. Ф. 744. Оп. 1. Д. 242.

Рейснер М. А. Религиозная полиция и вероисповедное прикрепление личности // Вестник права: журнал Юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1900. № 8. С. 1–34.

Сидоров А. А. Инородческий вопрос и идея федерализма в России. М. : Тип. В. М. Саблина, 1912. 68 с.

Толстенко А. Н. Национальная империя Петра Струве и Михаила Меньшикова // Вопросы национализма. 2012. С. 130–139.

Халидова О. Б. Мусульманское население Кавказа в имперскую эпоху: к вопросу о религиозной политике России в крае // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2015. № 58. С. 84–87.

Хатаев Е. Е., Кокаева Ф. А. Просветители и педагоги Северного Кавказа (XIX в.). Владикавказ, 2000. 99 с.

Хачидогов Р. А. Просветительская политика Российской империи в рамках аккультурации мусульманских народов Северокавказского края (XIX век) // Вопросы культурологии. 2017. № 5/6 (май-июнь). С. 45–50.

Фальборк Г. А., Чарнолуцкий В. И. Настольная книга по народному образованию: законы, распоряжения, правила, инструкции: Т. IV. СПб., 1911. 788 с.

Черняевский А. Мусульманское духовенство и народные школы // Кавказ. 1893. 12 сент. С. 1–2.

Шихалиев Ш. Ш. Мусульманское реформаторство в Дагестане (1900–1930 гг.) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2017. Т. 35. № 3. С. 134–169.

Штернберг Л. Я. Иногородцы. Общий обзор // Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А. И. Кастелянского. СПб. : Общественная польза, 1910. С. 529–574.

Центральный Государственный архив Республики Дагестан. Ф. 66. Оп. 2. Д. 26.

Центральный Государственный архив Республики Дагестан. Ф. 2. Оп. 2. Д. 70.

Центральный Государственный архив Республики Дагестан. Ф. 2. Оп. 1. Д. 216.

Центральный Государственный архив Республики Дагестан. Ф. 66. Оп. 2. Д. 26.

REFERENCES

Abdulaeva M. I. Severnyi Kavkaz v politike Turtsii v nachale XX veka [The North Caucasus in Turkish politics at the beginning of the 20th century]. *ACTA HISTORICA: trudy po istorii, arkheologii, etnografii i obshchestvoznaniuu* [ACTA HISTORICA: works on history, archeology, ethnography and social science]. 2018. No 2. S. 175–180 (in Russian).

Alektorov A. E. *Inorodtsy v Rossii. Sovremennye voprosy* [Foreigners in Russia. Contemporary issues]. Saint-Petersburg : Printing house of Leontyeva I., 1906. 134 s. (in Russian).

Bleikh N. O. *Istoricheskie vekhi stanovleniia i razvitiia prosvetitel'stva na Severnom Kavkaze v rusle rossiiskoi tsivilizatsionnoi politiki* [Historical milestones in the formation and development of enlightenment in the North Caucasus in line with the Russian civilizational policy]. Vol. 2. Moscow : RUSAINS, 2017. 288 s. (in Russian).

Brezhneva S. N. Otrazhenie idei akkul'turatsii v pereselencheskoi politike Rossiiskoi imperii v Turkeстане na rubezhe XIX–XX vv. [Reflection of the idea of acculturation in the resettlement policy of the Russian Empire in Turkestan at the turn of the 19th-20th centuries]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Istoriiia Rossii* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia]. 2018. Vol. 17. No 3. S. 608–638 (in Russian).

Budilovich A. S. *Mozhet li Rossiia otdat' inorodtsam svoi okrainy?* [Can Russia give its outskirts to foreigners?]. Saint-Petersburg : Printing house of A. S. Suvorin, 1907. 75 s. (in Russian).

Dameshek L. M. *Sibirskie "inorodtsy" v imperskoi strategii vlasti (XVIII — nachalo XX v.)* [Siberian "foreigners" in the imperial strategy of power (XVIII — early XX centuries)]. Irkutsk : Ottisk, 2018. 456 s. (in Russian).

Dalgat E. M. Dagestan nakanune 1917 g. [Dagestan on the Eve of 1917]. *Vestnik Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2017. Vol. 33. Issued. 5. S. 59–64 (in Russian).

Daniliuk M. Iu., Zueva O. B. Pravoslavnaia sistema obrazovaniia kak faktor priobshcheniia narodov Dagestana k khristianskoi kul'ture (vtoraia polovina XIX-nachalo XX veka) [The Orthodox education system as a factor in introducing the peoples of Dagestan to Christian culture (second half of the 19th — early 20th centuries)]. *Kul'turnaia zhizn' Iuga Rossii* [Cultural life of the South of Russia]. 2009. No 2 (31). S. 21–26 (in Russian).

Diakin V. S. *Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX — nach.XX v.)* [The national question in the internal politics of tsarism (XIX — early XX centuries)]. Saint-Petersburg, 1998. 1000 s. (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A. Politika akkulturratsii v otnoshenii musul'manskikh obshchin Sibiri vo vtoroi polovine XIX nachale XX v [Acculturation Policies Targeting Siberia's Muslim Communities in the Second Half of the 19th and in the Early 20th Centuries]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov Serii Istorii Rossii* [RUDN Journal of Russian History]. 2022 T 21. No. 1. S 42–52.

Kavelin K. D. *Nashi inorodtsy i inovertsy* [Our foreigners and infidels]. Moscow : Pravda, 1907. 14 s. (in Russian).

Katkov M. N. *Ideologiya okhranitel'stva [Ideology of protection] / Compilation, preface and comments: Klimakov Yu. V.* Moscow : Institute of Russian Civilization, 2009. 800 s. (in Russian).

Kaimarazov G. Sh. *Prosveshchenie v dorevoliutsionnom Dagestane* [Enlightenment in pre-revolutionary Dagestan]. Makhachkala : Daguchpedgiz, 1989. 160 s. (in Russian).

Kobakhidze E. I. *Tsentral'nyi Kavkaz v ob'edinitel'noi politike Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX — nachala XX v.* [Central Caucasus in the unification policy of the Russian Empire in the second half of the 19th — early 20th centuries]. Vladikavkaz: North Ossetian Institute for Humanitarian Research, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2016. 258 s. (in Russian).

Kotov A. V. Politika imperskoi akkul'turatsii naseleniia severnykh kazakhskikh stepei (seredina XVIII–XIX vv.): fenomen Orenburgskoi kirgizskoi shkoly [The policy of imperial acculturation of the population of the northern Kazakh steppes (mid-18th-19th centuries): the phenomenon of the Orenburg Kyrgyz school]. *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara Scientific Bulletin]. 2019. Vol. 8. No 3 (28). S. 188–194 (in Russian).

Kotiukova T. V. Turetskaia agentura v Rossii nakanune Pervoi mirovoi voiny [Turkish agents in Russia on the eve of the First World War // The Last War of the Russian Empire]. *Posledniaia voina Rossiiskoi imperii: Rossiia, mir nakanune, v khode i posle pervoi Mirovoi voiny po dokumentam rossiiskikh i zarubezhnykh arkhivov: Mat-ly Mezhdunar. nauch. konferentsii 7–8 sentiabria 2004 g.* [The Last War of the Russian Empire: Russia, the world on the eve, during and after the first world war on documents of russian and foreign archives: Materials of the Intern. scientific. conferences on September 7–8, 2004]. Moscow: Nauka, 2006. 388 s. (in Russian).

Ledeneva N. V. Akkul'turatsiia kak protsess mezhkul'turnogo vzaimodeistviia [Acculturation as a process of intercultural interaction]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia*

Sibiri [Problems of social and economic development of Siberia]. 2011. No 1 (3). S. 144–151 (in Russian).

Liubichankovskii S. V. Politika akkul'turatsii sredstvami prosveshcheniia islamskikh poddannyykh Rossiiskoi imperii: istoricheskii opyt Orenburgskogo kraia (seredina XIX — nachalo XX) [The policy of acculturation by means of enlightening Islamic subjects of the Russian Empire: the historical experience of the Orenburg region (middle of 19th — early 20th centuries)]. Orenburg: Publishing Center of OGAU, 2018. 264 s. (in Russian).

Lobanov V. B. Terek i Dagestan v ogne Grazhdanskoi voiny: religioznoe, voenno-politicheskoe i ideologicheskoe protivostoianie v 1917–1920-kh godakh [Terek and Dagestan in the fire of the Civil War: religious, military-political and ideological confrontation in the 1917–1920th]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2017. 483 s. (in Russian).

Malamagomedov D. M. Konfessional'nye shkoly kontsa XIX — nachala XX v. V gorodakh Dagestanskoi oblasti [Confessional schools of the late 19th early 20th century in the cities of the Dagestan region]. Voprosy istorii [Issues of history]. 2018. No 7. S. 148–158 (in Russian).

Miller A. I. Imperiia Romanovykh i natsionalizm. Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniia [The Romanov Empire and Nationalism. Essays on Historical Research Methodology]. Moscow : New literary review, 2010. 316 s. (in Russian).

Musul'mane v novoi imperiskoi istorii [Muslims in the new imperial history]. Contributing editor and compilers by V. O. Bobrovnikov, I. V. Gerasimov, S. V. Glebov, A. P. Kaplunovskii, M. B. Mogil'ner, A. M. Semenov. Institute of Oriental Studies RAS, Islamic Culture Research Foundation. Moscow : Sadra, 2017. 424 s. (in Russian).

Novaia imperskaia istoriia postsovetskogo prostranstva [New imperial history of the post-Soviet space]. Ed. by I. V. Gerasimov, S. V. Glebov, A. P. Kaplunovsky, M. B. Mogil'ner, A. M. Semenov. Kazan : Center for Research on Nationalism and Empire, 2004. 656 s. (in Russian).

Obzor Dagestanskoi oblasti za 1892 g. [Review of the Dagestan region for 1892] Temir-Khan-Shura, 1893. 55 s. (in Russian).

Otchet Vladikavkazskogo Eparkhial'nogo Uchilishchnogo Soveta o sostoianii tserkovno-prikhodskikh shkol i shkol gramoty vo Vladikavkazskoi eparkhii za 1894–1895-i uchebnyi god [Report of the Vladikavkaz Diocesan School Council on the state of parochial schools and literacy schools in the Vladikavkaz diocese for the 1894–1895 academic year]. *Vladikavkazskie eparkhial'nye vedomosti* [Vladikavkaz diocesan statements]. Vladikavkaz, 1896. No 2. S. 25–34 (in Russian).

Rossiiskii Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archives]. Fund. 1278. Inventory. 2. File. 3550. L. 68 (in Russian).

Rossiiskii Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archives]. Fund. 744. Inventory. 1. File. 242. L. 80 (in Russian).

Reisner M. A. Religioznaia politsiia i veroispovednoe prikreplenie lichnosti [Religious police and religious attachment of personality]. *Vestnik prava: zhurnal Iuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete* [Bulletin of Law: Journal of the Legal Society at the Imperial St. Petersburg University]. S.-Peterburg, 1871–1906. No8. 1900. S. 1–34 (in Russian).

Sidorov A. A. *Inorodcheskii vopros i ideia federalizma v Rossii* [The foreign question and the idea of federalism in Russia]. Moscow : Printed by V. M. Sablina, 1912. 68 s. (in Russian).

Tolstenko A. N. Natsional'naia imperiia Petra Struve i Mikhaila Men'shikova [National empire of Peter Struve and Mikhail Menshikov]. *Voprosy natsionalizma* [Questions of nationalism]. 2012. S. 130–139 (in Russian).

Khalidova O. B. Musul'manskoe naselenie Kavkaza v imperskuui epokhu: k voprosu o religioznoi politike Rossii v krae [The Muslim population of the Caucasus in the imperial era: on the issue of Russia's religious policy in the region]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2015. No 58. S. 84–87 (in Russian).

Khataev E. E., Kokaeva F. A. *Prosvetiteli i pedagogi Severnogo Kavkaza (XIX v.)* [Enlighteners and educators of the North Caucasus (XIX century)]. Vladikavkaz: Publishing house of the North Ossetian state university, 2000. 99 s. (in Russian).

Khachidogov R. A. *Prosvetitel'skaia politika Rossiiskoi imperii v ramkakh akkul'turatsii musul'manskikh narodov Severokavkazskogo kraia (XIX vek)* [Educational policy of the Russian Empire in the framework of the acculturation of the Muslim peoples of the North Caucasian region (XIX century)]. *Voprosy kul'turologii* [Cultural issues]. 2017. No 5/6 (may-june). S. 45–50 (in Russian).

Fal'bork G. A., Charnoluskii V. I. *Nastol'naia kniga po narodnomu obrazovaniuu: zakony, rasporiazheniia, pravila, instruktsii* [Handbook on public education: laws, orders, rules, instructions]. Vol. IV. Saint-Petersburg, 1911. 788 s. (in Russian).

Cherniaevskii A. Musul'manskoe dukhovenstvo i narodnye shkoly [Muslim clergy and folk schools]. Kavkaz [Caucasus]. September, 12. 1893. S. 1–2 (in Russian).

Shikhaliev Sh. Sh. Musul'manskoe reformatorstvo v Dagestane (1900–1930) [Muslim Reformation in Dagestan (1900–1930)]. *Gosudarstvo, religii, Tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion, Church in Russia and Abroad]. 2017. Vol. 35. No 3. S. 134–169 (in Russian).

Shternberg L. Ia. Inorodtsy. Obshchii obzor [Foreigners. General review]. *Formy natsional'nogo dvizheniia v sovremennykh gosudarstvakh: Avstro-Vengriia. Rossiia. Germaniia* [Forms of National Movement in Modern States: Austria-Hungary. Russia. Germany]. Ed. by Kasteliansky. Saint-Peterburg: Publishing House of the Public Benefit Partnership, 1910. S. 529–574 (in Russian).

Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Dagestan [Central State Archives of the Republic of Dagestan]. Fund. 66. Inventory. 2. File. 26 (in Russian).

Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Dagestan [Central State Archives of the Republic of Dagestan]. Fund. 2. Inventory. 2. File. 70. (in Russian).

Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Dagestan [Central State Archives of the Republic of Dagestan]. Fund. 2. Inventory. 1. File. 21b (in Russian).

Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Dagestan [Central State Archives of the Republic of Dagestan]. Fund. 66. Inventory. 2. File. 26 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 20.10.2021

Принята к публикации 28.12.2021

Дата публикации 25.03.2022